

УДК 330.341.2

А. В. Кашенов

ФГБОУ ВПО «Московский государственный педагогический университет», Москва,
e-mail: avkash@list.ru

СОВМЕСТНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ, КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ И ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: Экономика совместного использования, экономика совместного потребления, проблемы и перспективы, анализ, прогноз.

Теоретические проблемы экономики совместного производства и потребления. Предыстория: коллективизм, кооперация. Современные подходы к развитию и изучению экономики совместного использования ресурсов (ЭСИ) и экономики совместного потребления (ЭСП). Экономика совместного потребления, как реакция на кризис «потребительского общества» и «консюмеризма». Основные факторы и идеи развития шеринговой экономики: смена поколений бизнесменов и потребителей и их менталитета, отношения к вещам, цифровизация и социальные сети. Идея «доступ к вещам предпочтительнее владения». Идея «прозрачные и открытые данные ускоряют развитие инноваций». Идея «неиспользованная ценность – потерянная ценность». Проблема недостатка систематизированных статистических данных по экономике совместного потребления. Обзор выборочных данных и оценок международных и российских консалтинговых агентств. Прогнозы развития шеринга в США, Китае, ЕС и Российской Федерации. Прогнозы занятости и безработицы в связи с цифровизацией экономики, распространением совместного потребления, на фоне глобальных проблем 2020 года – пандемии Covid-19 и последующего спада производства. Оценка влияния экономики совместного использования ресурсов и совместного потребления на трудовую сферу, включая трудовые права работников. Критика ЭСП с позиции трудовых прав. Перспективы развития экономики совместного потребления.

А. V. Kashepov

Moscow state pedagogical University, Moscow, e-mail: avkash@list.ru

JOINT CONSUMPTION AS A FACTOR OF CHANGES IN THE ECONOMY AND EMPLOYMENT

Keywords: economy of shared use, economy of shared consumption, problems and prospects, analysis, forecast.

Theoretical problems of the economy of joint production and consumption. Background: collectivism, cooperation. Modern approaches to the development and study of the economy of resource sharing (ESI) and the economy of shared consumption (ESP). The economy of shared consumption as a reaction to the crisis of «consumer society» and «consumerism». The main factors and ideas for the development of the sharing economy: the change of generations of businessmen and consumers and their mentality, attitudes to things, digitalization and social networks. The idea of «access to things is preferable to ownership». The idea of «transparent and open data accelerates the development of innovation». The idea of «unused value – lost value». The problem of lack of systematic statistical data on the economy of shared consumption. Review of sample data and estimates from international and Russian consulting agencies. Forecasts for the development of sharing in the United States, China, the EU and the Russian Federation. Forecasts of employment and unemployment in connection with the digitalization of the economy, the spread of joint consumption, against the background of global problems in 2020-the Covid-19 pandemic and the subsequent decline in production. Assessment of the impact of the economy of resource sharing and joint consumption on the labor sphere, including the labor rights of employees. Criticism of ESP from the perspective of labor rights. Prospects for the development of the economy of joint consumption.

Введение

Тема взаимодействия людей в сфере производства (кооперации, коворкинга, коллаборации) и потребления существует практически столько же веков, сколько экономическая наука. В XIX веке началась дискуссия между сторонниками обобществления (коллективизации) производства и потребле-

ния – Р. Оуэном, Ш. Фурье, К. Марксом и сторонниками кооперации – Ш. Жидом, М.И. Туган-Барановским и другими. С появлением современных экономических направлений «экономики совместного использования» (ЭСИ) и «экономики совместного потребления» (ЭСП) обсуждение этих явлений вошло в новую фазу.

В СССР наряду с практически полностью огосударственными коллективными сельскими хозяйствами (колхозами) существовала частично коммерчески независимая от государства институциональная структура – потребительская кооперация. Сельские жители, участники потребительской кооперации, снабжались промышленными и частично – продовольственными товарами через местные кооперативные. Кроме того, развивались различные структуры аренды, проката оборудования в сфере производства (например, МТС) и в сфере потребления (прокат лодок, велосипедов в зонах отдыха, телевизоров, холодильников и других бытовых приборов). Когда в 1960-е годы в советской науке и политическом руководстве шла дискуссия о целесообразности строительства новых автомобильных заводов и расширения свободной продажи автомобилей населению, в качестве альтернатив «капитализму» в этом вопросе выдвигались тезисы о приоритетном развитии общественного транспорта и коллективном использовании автомобилей в системе их проката (прообраз нынешнего каршеринга). В тот период эксперименты с прокатом автомобилей не получили распространения, доминировал общественный транспорт, после чего в 1990-е годы началась массовая автомобилизация на основе частной продажи и личного использования автомобильной техники, электроники и других бытовых приборов. Были практически свернуты и приватизированы структуры потребительской кооперации и пункты проката бытовой техники.

Экономика совместного потребления

В 2000-2010-е годы с Запада пришла новая волна «sharing» бизнеса, которая активно изменяет институциональную структуру российской экономики, структуру занятости в профессиональном разрезе и другие структурные характеристики экономики.

В современном понятии «sharing» экономики объединяются идеи коллективизма, кооперации, свободного бартерного обмена вещами и передача вещей в платную аренду. Само слово «sharing» обозначает не столько объединение людей (как кооперация), сколь-

ко разделение (распределение) вещей. Тем не менее в экономической литературе «sharing» в широком понимании означает как производственное взаимодействие мелких и средних, в первую очередь венчурных бизнесов на основе интегральных институциональных или технологических платформ (например, бизнес-инкубаторы, в которые малые предприятия совместно используют офисные помещения, технику, доступ к сети Интернет, транспорт, прочую инфраструктуру, и за счет этого снижают свои издержки производства), так и совместное потребление.

Как показывают Е.Ф. Авдокушин и Е.Г. Кузнецова [1, с. 9-18], «термин «collaborative consumption» («совместное потребление») впервые был использован еще в 1978 г. Маркусом Фелсоном и Джо Л. Спаэтом (Marcus Felson & Joe L. Spaeth) в статье «Структура сообщества и совместное потребление: рутинный подход к деятельности» («Community Structure and Collaborative Consumption: a routine activity approach»)» [2].

Е.Ф. Авдокушин, Е.Г. Кузнецова, Е.Д. Платонова [3] и другие авторы отмечают, что в институциональном плане развитие экономики совместного потребления отражает (или является реакцией на) кризисные явления в современной экономике неограниченного (максимально возможного) потребления, которая в последние десятилетия базировалась на концепции «консюмеризма» и приводила к деградации природной среды (экологии) и социальной среды (периодическое обострение классовых, национальных, религиозных противоречий в различных регионах мира).

Также в публикациях различных авторов на тему экономики совместного потребления (ЭСП) указывается, что она тесно связана с созданием современных технологических платформ (цифровизацией), которые позволяют, в дополнение к давно известным схемам аренды потребительских товаров, бесплатной раздачи и передачи через много рук различных вещей, организовывать в Интернете новые формы бизнеса в сфере «sharing», интересные для новых поколений как предпринимателей, так и потребителей, которые в той или иной степени разочаровались, или не нашли

себе места в традиционной «экономике потребления». Таким образом, ЭСП это не «новый коммунизм», хотя такой ярлык иногда цепляют на данную сферу апологеты классического капитализма, а скорее, новая рыночная экономика, которая на современной технологической основе решает проблему эффективности посредством экономии ресурсов, и другие проблемы, которые были названы выше, в частности – охраны окружающей среды. Разумеется, ни одна новая форма человеческой деятельности не обходится без издержек – решая одни проблемы, она порождает другие, об этом будет сказано далее.

Отметим, что сторонниками «общества потребления» на сегодняшний день являются не только классические капиталисты, но и широкие слои малоимущего населения стран «третьего мира», которые говорят – мы еще не успели начать потреблять на уровне развитых стран, поэтому не допустим у себя никаких ограничений развития традиционного производства и продажи товаров, в том числе под предлогом защиты окружающей среды. Поэтому следует ожидать того, что наиболее быстро ЭСП будет развиваться в наиболее развитых странах, где оппортунизм в отношении классического потребительского капитализма всегда был развит достаточно сильно.

Вернемся к вопросу о смене поколений людей и технологий в развитых странах мира. В результате происшедших изменений менталитета возникло несколько новых идей для бизнеса, трудовой сферы, и для образа жизни, на которых строится шеринговая экономика.

Во-первых, это идея «доступ предпочтительнее владения». В работе Стива Деннинга данная идея формулируется следующим образом: «То, что сделал Интернет, было социальным. Это создало поколение людей, которые начали делать что-то, что лежало в основе организации общества в течение нескольких сотен лет. Эти люди – в основном молодые – стали предпочитать **доступ** к собственности. Вместо того, чтобы планировать свою жизнь на основе приобретения и владения большей частной собственностью, это новое поколение начало находить смысл и удовлетворение в том, что имеет доступ к вещам и взаимодействует

с другими людьми в процессе»^[4]. Иначе говоря, и это подтверждается некоторыми социологическими опросами и личными наблюдениями автора, для молодежи из «среднего класса» и некоторой части выходцев из семей владельцев крупных капиталов, в том числе в России, все меньшее значение имеет то, что институционалист Т. Веблен называл «престижным (демонстративным) потреблением»^[5]. Они стремятся получить престижные дипломы о высшем образовании и престижную работу, стартовать на успешные карьерные позиции в государственной службе и крупных, в том числе транснациональных, компаниях. Но при этом в сфере личного потребления они предпочитают удобство – престижу и доступу к владению. Например, они предпочитают загородным коттеджам номер в хорошей гостинице или уютно обставленную съемную квартиру поблизости от места работы, а модным автомобильным брендам – каршеринг, или даже прокат велосипедов, или самокатов, на которых удобнее добираться до работы, преодолевая зависимость от автомобильных пробок мегаполиса. На отдых эта «новая буржуазия» поедет туда, где можно интересно провести время, но они не стремятся к покупке вилл на Средиземном море, их больше привлекает идея объездить весь мир, иногда не считаясь вообще с бытовыми условиями пребывания в «экзотических» зарубежных странах. Разумеется, подобный образ жизни могут себе позволить только достаточно обеспеченные молодые люди. Тем не менее отличие их ценностных ориентаций от ориентаций их родителей, которые стремились сначала вырваться из бедности, а потом приобрести в собственность максимальное количество вещей, их предпочтение цифровой экономики совместного потребления, достаточно очевидно.

Во-вторых, идея «прозрачные и открытые данные ускоряют развитие инноваций». Прежний бизнес базировался на сокрытии информации от конкурентов и потребителей. Классические примеры – тайный рецепт «Кока-колы», закрытый код ОС «Windows», повсеместное в мире засекречивание новых технологий, перспективных для использования в сфере обороны. Современная теория «экономики совместного использова-

ния» (ЭСИ) подразумевает, что открытие способов производства потребительских товаров, технологий, материалов, кодов компьютерных программ (оборонные секреты оставим за скобками) подключает всех желающих, включая стартапы, небольшие венчурные компании – к их совершенствованию. Это ускоряет научно-технический прогресс. Кроме того, раскрытие реальной информации о товарах в большей степени, чем рекламные приманки маркетологов, может повысить привлекательность этих вещей для потребителей, их рыночную цену, и следовательно, прибыль производителей.

В-третьих, «неиспользованная ценность – потерянная ценность». Неиспользованная ценность относится ко времени, в течение которого продукты, услуги и таланты простаивают. Это время простоя – бесполезная ценность, которую могут использовать бизнес-модели и организации, основанные на шеринге. Классическим примером является то, что средний автомобиль не используется 95 % времени. Эта потраченная впустую ценность может стать значительным ресурсом и, следовательно, возможностью для обмена экономичными автомобильными решениями, включая каршеринг. В бесполезности стоящих на приколе автомобилей многим людям пришлось убедиться в условиях карантина при пандемии Covid-2019.

Существует также значительная неиспользованная ценность в «потраченном времени». Многие люди по разным причинам недоиспользуют свои способности в течение дня. Благодаря социальным сетям и информационным технологиям такие люди могут пожертвовать небольшой промежуток освободившегося рабочего времени, чтобы позаботиться о решении простых задач в интересах общества. Это могут быть задачи охраны природы, платной и бесплатной помощи другим людям, включая обучение, консультации и так далее. Для «совмещения профессий» и «шеринга времени» в подобном смысле не нужно никуда ходить или ездить, достаточно планшета или смартфона.

Развитие экономики совместного потребления и занятость

Ранее в наших работах мы разрабатывали темы прогнозов занятости

на основе анализа экономических факторов – динамики ВВП, инвестиций, потребительского спроса, численности и структуры населения [5, с. 55-81]. Большинство методов, задействованных в прогнозировании занятости, пока сложно подкрепить статистикой развития экономики совместного потребления. Но можно сделать, или найти в публикациях авторитетных международных источников, некоторые оценки по этим вопросам.

Согласно отчету Министерства торговли США, опубликованному в июне 2016 года, количественные исследования по размеру и росту экономики совместного использования остаются скудными. Оценки темпов и возможных пределов роста могут быть сложными для оценки из-за различных и иногда неопределенных определений того, какой вид деятельности считается транзакциями с разделением экономики. В отчете отмечается исследование PricewaterhouseCoopers за 2014 год, который рассмотрел пять компонентов экономики совместного использования ресурсов: *путешествия, совместное использование автомобилей, финансы, кадровое обеспечение и потоковое вещание*. Было установлено, что глобальные расходы в этих секторах составили в 2014 году около 15 млрд. долл. США, что составило лишь около 5 % от общих расходов в этих областях (и менее 0,1 % от ВВП этой страны -А.К.). В отчете также прогнозируется возможное увеличение расходов на «совместное использование экономики» в этих областях до 335 млрд. Долл. США к 2025 году, что составит около 50 % от общих расходов в этих пяти областях. Исследование PricewaterhouseCoopers, проведенное в 2015 году, показало, что почти одна пятая часть американских потребителей участвует в некоторых видах шеринговой экономической деятельности [6].

Исследование, проведенное в декабре 2017 года по заказу Европейской комиссии, показало, что объем P2P-транзакций (P2P – англ. Peer-to-Peer – равный к равному; сеть, основанная на равноправии) в ЕС в пяти секторах: *продажа товаров, аренда жилья, обмен товарами, случайные рабочие места и обмен автомобилями*, составил в 2015 году 27,9 млрд.

Евро. Европейские эксперты прогнозируют, что в ближайшие годы общая экономика может добавить к экономике ЕС от 160 до 572 миллиардов евро [8].

В Китае в 2016 году экономика совместного использования удвоилась, достигнув 3,45 триллиона юаней (500 миллиардов долларов) в объеме транзакций, и, согласно данным Государственного информационного центра страны, ожидается, что она будет расти в среднем на 40% в год в течение следующих нескольких лет [9].

В России по данным TIARCENTER и Российской ассоциации электронных коммуникаций, восемь ключевых сфер российской экономики совместного использования (*продажи C2C (C2C – англ. Consumer-to-Consumer («потребитель для другого потребителя»), случайные рабочие места, совместное использование автомобилей, аренда жилья, общие офисы, краудфандинг и совместное использование товаров*) выросли на 30% до 511 миллиардов рублей (7,8 млрд. долл. США) в 2018 году. Доклад TIARCENTER содержит ряд интересных цифровых данных и прогнозов. Так, в докладе указывается, что на момент его составления 2,5 млн. человек в РФ работали фрилансерами и получали работу на электронных биржах, выполняя ее дистанционно. Там также приводятся оценки развития каршеринга в Москве – 10-15 тысяч автомобилей, в России более 18 тысяч, на конец 2018 года [10].

Бизнес-модель компаний, расположенных в шеринговой экономике, подвергалась критике за использование технологий, позволяющих обойти защиту работников, таких как права на минимальную заработную плату и оплачиваемый отпуск, и маскировку трудовых отношений в качестве независимого контракта / самостоятельной занятости с целью перераспределения затрат на работников и экономии издержек фирм. В России многие фрилансеры работают вообще без трудовых договоров, или на основе «гражданско-правовых договоров». После долгого обсуждения, в 2014 году в РФ был принят закон, ограничивающий возможности использования заемного труда [11]. После этого бизнес расширил практику аутсорсинга

в сфере занятости посредством заключения вместо трудовых договоров – гражданско-правовых. В подобных договорах, а тем более в условиях «неформального» фриланса без договоров, предусмотренные Трудовым Кодексом РФ права работника исключаются.

В странах Запада, имеющих более устоявшуюся и стабильную, чем РФ, систему институтов трудовой сферы, эти вопросы обсуждаются серьезно, и в некоторых случаях приводят к законодательным и судебным регулирующим воздействиям в отношении субъектов шеринговой экономики.

Исследование, проведенное Центром будущей работы в Australia Institute, обвинило Uber в «использовании преимуществ своей системы диспетчеризации для того, чтобы избежать традиционных трудовых норм (и других неудобных налогов и норм)» [12]. В то время как в традиционных отраслях рабочие могут пользоваться преимуществами членства в профсоюзах, обеспечения охраны здоровья, минимальной заработной платы, заключения и расторжения трудового договора по инициативе работника, права на рабочее время и время отдыха, сотрудники в рамках экономики совместного использования рассматриваются как фрилансеры. Фрилансеры не получают пенсионные выплаты или другие права и льготы для работников и зачастую не получают повременную оплату. Как правило, оплата их труда производится после выполнения определенной задачи, оценка качества исполнения с последующей выплатой денежного вознаграждения может не быть четко регламентирована и гарантирована работодателем.

Исследование, проведенное в 2016 году Глобальным институтом McKinsey, показало, что в Америке и Англии в сферах основной или дополнительной занятости посредством «независимой деятельности» было занято 162 миллиона человек [13]. По нашей приблизительной оценке, это сопоставимо с 70-80% от общей численности занятых в названных двух странах, включая неформальный сектор.

В некоторых странах законодательные акты классифицируют штатных фрилансеров, работающих на одного основного работодателя в шеринговой эко-

номике, как работников, и предоставляются им постоянные права и юридическую защиту. В некоторых развитых странах были приняты судебные решения в отношении международного бренда Uber о том, чтобы водителей, занятых на этой платформе, классифицировали как работников данной компании, со всеми предусмотренными трудовым законодательством этих стран правами и льготами. Насколько нам известно, в России подобные компании пока действуют свободно от ограничений. Такая ситуация выгодна компаниям и отчасти потребителям их услуг, но не выгодна фрилансерам – исполнителям заказов.

Занятость в шеринговой экономике влечет за собой получение компенсации за один ключевой показатель эффективности, который, например, определяется как доставленные посылки или произведенные перевозки пассажиров такси. Еще одна особенность заключается в том, что сотрудники могут отказаться принимать заказ. Работодатели не обязаны гарантировать занятость, а работники могут также отказаться принимать заказ.

Журнал *New York Magazine* писал, что экономика совместного использования преуспевает из-за депрессивного состояния рынка труда, на котором «многие люди пытаются заполнить дыры в своих доходах, монетизируя свои вещи и свой труд», а во многих случаях люди присоединяются к шеринговой экономике потому, что они недавно потеряли полный рабочий день. Журнал пишет, что «почти в каждом случае причина, по которой люди вынуждены открывать свои дома и автомобили для незнакомцев – это деньги, а не доверие... что приводит их к порогу шеринга, во-первых, это несовершенная экономическая система и, во-вторых, вредная государственная политика, которая вынуждает миллионы людей искать случайную работу для пропитания» [14].

Некоторые эксперты полагают, что рецессия приводит к расширению экономики совместного использования, потому что потеря рабочих мест усиливает стремление к временной работе, которая распространена в экономике совместного использования. Однако у работника есть свои недостатки; когда компании используют трудоустройство на основе контракта, «преимущество

для бизнеса в использовании таких непостоянных работников очевидно: оно может значительно снизить затраты на рабочую силу, часто на 30 процентов, поскольку оно не несет ответственности за пособия по болезни, социальное обеспечение, безработицу или компенсация пострадавшим работникам, оплачиваемый отпуск по болезни или отпуск и т.д. Подрядные работники (в российской терминологии – занятые по гражданско-правовым договорам), которым не положено во многих странах создавать профсоюзы, и которые не имеют процедуры рассмотрения жалоб, могут быть уволены без уведомления.

2020 год с пандемией Covid-2019 принес множество изменений в экономике и занятости в экономике вообще, и в сфере шеринга в частности. Прогнозы МВФ и других международных экономических регуляторов предполагают падение мирового ВВП в 2020 году. Во Франции и Италии ожидается сокращение ВВП на 12%, Великобритании – 11%, США и Германии – 8%, в России от 4% до 6%. Это неизбежно порождает тенденцию роста безработицы, который в России происходит на фоне повышения пенсионного возраста, то есть принуждения к занятости нескольких сотен тысяч человек в 2020 году [15, с. 60-92].

Тем не менее повышение уровня безработицы в нашей стране даже в период жестких ограничений деятельности предприятий и карантина не стало таким катастрофическим, как в США и некоторых других странах. По данным Росстата, к июню 2020 года число безработных достигло 4,6 млн. человек (прирост к аналогичному периоду 2019 г. – 1,3 млн. человек), а уровень безработицы составил 6,2% (прирост 1,8 процентных пунктов). Однако основной прирост безработицы, помимо обычного для РФ ее повышения в зимние месяцы, и институционального повышения вследствие изменения пенсионного законодательства, произошел в марте-мае 2020 года, и замедлился уже в июне 2020 года [16]. Поэтому в случае успешного преодоления эпидемии на территории России, с учетом планируемого возобновления в июне-августе 2020 г. деятельности большинства предприятий, в том числе относящихся к шеринговой экономике, уровень безра-

ботицы до конца года, по нашей оценке, не превысит 7% от численности рабочей силы.

В долгосрочной перспективе многие виды деятельности будут развиваться с учетом опыта, полученного в 2020 году, когда миллионы работников в нашей стране были переведены на дистанционную занятость. Большинство преподавателей школ и вузов в ходе известных нам (но еще официально не опубликованных) социологических опросов РАНХиГС оценили «дистант», как вредную для здоровья и неэффективную работу. По опыту личного общения автора статьи с государственными и муниципальными служащими, работниками редакций, офисными служащими частных компаний, многие из них также оценили вынужденный переход к «цифровой» дистанционной работе, как тяжелый и неэффективный процесс. При этом многие предприятия, занятые оказанием услуг в сфере экономики совместного потребления (например, в каршеринге, гостиничном и туристическом бизнесе) понесли убытки и летом 2020 года находятся на грани банкротства. Рост бизнеса и занятости в период карантина (ограничительных мер) наблюдался только в сфере интернет-продаж и доставки товаров населению. При этом интернет-продажи товаров для туризма, занятий спортом на свежем воздухе, строительных материалов и инструментов, многих других товаров, не совместимых с карантином, сократились.

Можно сказать, что в период пандемии общество, помимо многих неприятностей, получило полезный иммунитет от чрезмерного увлечения дистанционными цифровыми формами занятости, при этом поступательное развитие шеринговой экономики было прервано.

Пауза в развитии данного сектора дала возможность осмыслить плюсы и минусы «уберизации» (от «Uber») городских пассажирских перевозок, границы безопасности каршеринга как для бизнеса, так и для индивидуальных потребителей, очевидные проблемы ограничения (даже если в большинстве случаев это самоограничение) трудовых прав фрилансеров, отсутствия у многих из них отчислений в ПФР, и другие социальные фонды.

Мы уже полемизировали в наших статьях с апологетами «цифровизации», которые полагают, что этот процесс, с их точки зрения абсолютно позитивный, приведет к высвобождению из экономики России 10-20 млн. человек к 2030 году [17]. Наша позиция в этом споре состоит в том, что некоторые формы цифровизации занятости социально вредны и будут отвергнуты обществом (еще раз повторим, что у многих «открылись глаза» на эту проблему в период карантина при пандемии коронавируса в 2020 году), другие формы цифровизации полезны для общества и экономики (например, замена роботами людей, занятых на тяжелых и опасных работах в промышленности), но они не приведут к массовому сокращению занятости. Одни категории рабочих мест будут сокращаться, другие расти, общий баланс численности занятых будет зависеть от динамики ВВП, производительности труда, баланса внешней торговли, и транснационального обмена капиталами.

Поскольку сторонники теории массового сокращения занятости к 2030 году в качестве базы для расчетов используют оценки из английских и американских источников, уместно и нам в качестве контраргумента использовать расчеты ответственных экспертных организаций США, и в частности, Бюро трудовой статистики (BLS). Согласно докладу этой организации от 4.09.2019, «в 2018-2028 гг. численность рабочих мест в США увеличится на 8,4 млн. единиц и достигнет 169,4 млн единиц. Сокращение численности на несколько процентов (не более 10%) в рамках общего роста, по расчетам Бюро, ожидает следующие профессиональные группы: топ-менеджеров, торговых и страховых агентов, программистов, преподавателей литературы, фотографов, аудиторов, офис-менеджеров и некоторые другие категории работников. Суммарное сокращение составит несколько сотен тысяч человек и будет многократно перекрыто ростом в других видах деятельности» [18].

Выводы

После экономического кризиса 2020 года, вызванного пандемией и дру-

гими проблемами, вызвавшими волну безработицы в США и ряде других стран, многие оценки, позиции «за» и «против» цифровизации и экономики совместного потребления, долгосрочные прогнозы занятости и ее структуры в деталях могут быть переработаны. Но, по нашему мнению, общий вывод о предстоящем восстановлении и последующем росте занятости после кризиса, безотносительно к цифровизации, развитию шеринга и другим новым технологиям, вероятно, не изменится.

С учетом американского примера и опыта других стран мы можем предполагать, что и в России рост экономики начиная с 2021 года будет фактором роста занятости населения, безотносительно к ожидаемым структурным изменениям.

Поэтому, несмотря на многие проблемы, экономика совместного использования ресурсов, в том числе экономика совместного потребления – будет развиваться. В сфере труда и занятости потребуются реакция общества и законодательства на проблему трудовых прав фрилансеров и других категорий работников, связанных с цифровой и шеринговой занятостью. Но общего сокращения числа рабочих мест и роста безработицы развитие этих взаимосвязанных секторов не вызовет. Изменение форм и методов ведения хозяйственной деятельности будет продолжаться в тех направлениях, которые наблюдались до кризисных явлений 2020 года, но в практику их регулирования и оценки будут внесены необходимые коррективы.

Публикуется в рамках выполнения гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 20-010-00180.

Библиографический список

1. Авдокушин Е.Ф., Кузнецова Е.Г. Шеринг как результат цифровизации сферы услуг. Поиск новой модели экономического развития // Вопросы новой экономики. 2020. № 2 (54).
2. Felson M., Spaeth J.L. Community Structure and Collaborative Consumption: a routine activity approach // American Behavioral Scientist. 1978. 21 (March-April). P. 614-624.
3. Платонова Е.Д. Исследование генезиса и эволюции концепции шеринговой экономики в зарубежных публикациях (по материалам базы данных Scopus) // Вестник Евразийской науки. 2019. № 1.
4. Denning, Steve «Three Strategies For Managing The Economy Of Access» Forbes, May 2, 2014). URL: <https://www.forbes.com/sites/stevedenning/2014/05/02/economic-game-change-from-ownership-to-access/#3ec2b1de31c9>.
5. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
6. Кашепов А.В. Об оценке эффективности политики на рынке труда. Общество и экономика. 2001. № 6.
7. Cusumano, Michael A. (January 2018). «The Sharing Economy Meets Reality». Communications of the ACM. URL: <https://cacm.acm.org/magazines/2018/1/223874-the-sharing-economy-meets-reality/abstract>.
8. «Exploratory Study of consumer issues in peer-to-peer platform markets». European Commission. June 12, 2017. URL: https://ec.europa.eu/newsroom/just/item-detail.cfm?&item_id=77704.
9. «China's «sharing economy» up 103 pct in 2016: report». Xinhua News Agency. May 3, 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-03/05/c_136104460.htm.
10. Экономика совместного потребления в России. 2018. // TIARCENTER@РАЭК URL: https://tiarcenter.com/wp-content/uploads/2018/11/RAEC_Sharing-economy-in-Russia-2018_Nov-2018.pdf.
11. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 05.05.2014 N 116-ФЗ (последняя редакция) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162598/.
12. Jim Stanford, Subsidising Billionaires: Simulating the Net Incomes of UberX Drivers in Australia, Australia Institute, 2018 URL: http://www.tai.org.au/sites/default/files/Subsidizing_Billionaires_Final.pdf.
13. «Independent work: Choice, necessity, and the gig economy». McKinsey & Company. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/employment-and-growth/independent-work-choice-necessity-and-the-gig-economy>.

14. Roose, Kevin (April 24, 2014). «The Sharing Economy Isn't About Trust, It's About Desperation». New York Magazine. URL: <https://nymag.com/intelligencer/2014/04/sharing-economy-is-about-desperation.html>.
15. Кашепов А.В. Взаимосвязи экономики и демографии. Монография. Макс-пресс. 2019. С. 60-92. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41235697_25767800.pdf.
16. Занятость и безработица в Российской Федерации в июне 2020 года (по итогам обследования рабочей силы). Росстат, июль 2020 г. URL: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/140.htm.
17. Кашепов А.В. Прогнозирование занятости в условиях цифровизации экономики // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2020. № 2.
18. US Bureau of Labour Statistics 4.09.2019 URL: <https://www.bls.gov/news.release/pdf/ecopro.pdf>.